

Пхусунская культура в Приморье

Е.В. Сидоренко,

кандидат исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

В работе предлагается вариант разрешения многолетних историографических коллизий по поводу маргаритовской культуры переходного периода от неолита к эпохе палеометалла в Приморье. Выделены и охарактеризованы этапы изучения культуры, разобрана историографическая проблематика, проведена ревизия источников с характеристикой каждого памятника. В итоге выяснилось, что маргаритовская культура в изначальном понимании как сочетание пхусунского и приханкайского (зайсановского) компонентов в одном комплексе не может быть выделена на базе имеющихся источников. Поэтому предлагается отправить её в историографический резерв до появления надёжных комплексов. По материалам интактных комплексов чётко выделяется группа памятников с пхусунским компонентом. Предлагается объединить их в новую археологическую культуру (пхусунскую).

Ключевые слова: пхусунская культура, маргаритовская культура, зайсановская культура, неолит, палеометалл, Приморье, археологическая систематика, историография, источниковедческий анализ.

PHUSUNSKAYA CULTURE IN PRIMORYE

E.V. Sidorenko, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia

The paper suggests a variant of solution of historiography debates on Margaritovskaya culture of transitional from Neolithic to Palaeometal period in Primorye Region that lasted for many years. The author has distinguished and described stages of study of this culture, investigated problems of historiography, revised sources with description of each site. Consequently, it turns out that Margaritovskaya culture in its initial interpretation as combination of Phusunskiy and Prikhankaiskiy (Zaisanovskiy) components in one complex cannot be distinguished on basis of available sources. Therefore the author suggests to keep it in historiography reserve till reliable complexes appear. A group of sites with Phusunskiy component can be clearly defined basing on materials of intact complexes. The author suggests uniting them into new archaeological culture (Phusunskaya culture).

Key words: Phusunskaya culture, Margaritovskaya culture, Zaisanovskaya culture, Neolithic Epoch, Palaeometal, Primorye Region, archaeological systematization, historiography, source study.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В приморской археологии существуют несколько «болевых точек», которые не имеют общепризнанного толкования и однозначного решения. Одной из них является проблема переходного периода от неолита к эпохе палеометалла. В историографии эту лакуну занимает маргаритовская культура, споры вокруг которой не утихают с момента её выделения. Среди специалистов закрепилось несколько подходов в определении культурной принадлежности памятников, содержащих в своих комплексах характерные сосуды с орнаментированным плоским венечным валиком и неорнаментированным туловом. Одни исследователи объединяют такие памятники в маргаритовскую культуру, другие называют их «памятниками с керамикой пхусунского типа», третьи используют понятие «маргаритовская культура», но вкладывают в неё иной смысл, чем первооткрыватели. Вот уже 4 поколения исследователей пытаются разрешить парадокс маргаритовской культуры.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В изучении маргаритовской культуры можно обозначить несколько этапов.

I этап: 60—70-е гг. XX в. — выделение культуры. В 1959 г. А.П. Окладниковым был раскопан двухслойный памятник в бухте Моряк-Рыболов (Пхусун) (Окладников, 1964: 73—83), а чуть позже Г.И. Андреевым в том же районе были произведены частичные раскопки и сборы подъёмного материала (Андреев, 1963: 102)¹. В коллекции этого памятника впервые встречены сосуды, орнаментированные наlepным валиком с вдавлениями по широкой грани, ставшие впоследствии диагностирующим признаком всей группы памятников.

В 1970-е годы Ж.В. Андреевой и А.В. Гарковик исследовались памятник Синие Скалы и поселение с гrotами у подножия Синих Скал (Гарковик, 1967: 15—17; Андреева, 1970: 126—127). В материалах обоих памятников обнаружены фрагменты керамики, аналогичной сосудам верхнего слоя Моряк-Рыболов-1 (Пхусун). Сопоставление полученных материалов и определение их места в археологии Приморья привели исследователей сначала к выделению «новой группы памятников», а в дальнейшем — новой археологической культуры эпохи бронзы: маргаритовской (Гарковик, 1967: 17; Гарковик, 1973: 53; Андреева, 1975: 104—109).

II этап: 80—90-е гг. XX в. — раскопки поселений Киевка (Жушиховская, 1976; 1979; 1980; 1981), Водораздельная (Татарников, 1979; 1980),

¹ К сожалению, материалы Г.И. Андреева исследователям доступны только в рисунках, сохранившихся в архиве Ж.В. Андреевой и опубликованных в монографии О.В. Яншиной (Яншина, 2004), без стратиграфической и планиграфической привязки и возможности верификации.

Глазковка-2 (Клюев, 1991), Монастырка-3 (Дьякова, 1998) дали в руки исследователей новый материал, содержащий керамику пхусунского типа. Вновь поднимается вопрос о своеобразии комплексов и их культурной принадлежности (Дьяков, 1989; 1999; Яншина, 1994; 1996; 1998); разворачивается дискуссия о правомерности выделения маргаритовской культуры. Упор делался на источниковедческий анализ памятников. По мнению главных оппонентов В.И. Дьякова и Д.Л. Бродянского, ни один из памятников не дал в руки исследователей достаточных аргументов для выделения культуры (Дьяков, 1989: 24—25; Бродянский, 1987: 155). В научном сообществе с этого времени закрепились две противоположные точки зрения на маргаритовскую культуру: «за» и «против».

III этап: 2000—2007 гг. — характеризуется появлением новых источников (Заря-3 и Преображение-1), а также обобщающих работ по эпохе палеометалла Приморья на основе защищённых в этот период кандидатских диссертаций, в которых рассматриваются проблемы маргаритовской культуры с противоположных точек зрения (Яншина, 2001; 2004; Сидоренко, 2005; 2007).

IV этап: 2008—2010 гг. — характеризуется спадом дискуссионности в отношении маргаритовской культуры или памятников с керамикой пхусунского типа: авторы работают в русле своих концепций, новых источников не появляется.

V этап: 2011—2016 гг. — после раскопок и публикации материалов поселения Ольга-10 новое поколение исследователей подключается к дискуссии о культурной принадлежности памятников с керамикой пхусунского типа (Батаршев и др., 2011; 2014; 2015). Вначале авторы отказываются от маргаритовской культуры, затем пытаются разрешить ситуацию, оставив термин «маргаритовская культура», но вложив в это понятие иной смысл, чем первооткрыватели, убрав приханкайский (зайсановский) компонент.

Произведённый анализ свидетельствует о назревшей для приморского научного сообщества необходимости определиться относительно маргаритовской культуры и прийти к консенсусу, чтобы имеющиеся историографические противоречия не помешали последующим поколениям исследователей.

Историографическая проблематика сводится, в основном, к двум взаимосвязанным блокам: источниковедческому (характеристика комплексов) и методологическому (правомерность выделения культуры). Специфика маргаритовской культуры, по мнению её первооткрывателей и приверженцев, заключается в сочетании в едином комплексе двух обособленных групп керамики: пхусунской и зайсановской (приханкайский вариант) (Андреева, Студзицкая, 1987: 351—363; Клюев и др., 2010; Яншина, 1994; 1996; 1998; 2004; Яншина, Клюев, 2005). Первоначальный типологический культурный комплекс формировался по памятникам Морьяк-Рыболов-1 (Пхусун), Синие Скалы, Гроты, Пермское и включал следующие признаки: 1) гладкостенные сосуды с орнаментированными венчиками-карнизами; 2) сосуды, орнаментированные по тулову прочерченными узорами:

вертикальными зигзагами, косыми штрихами, меандром и т.д.; 3) обильный ретушированный камень с большим числом изделий, изготовленных на ножевидных пластинах; 4) каменные реплики металлических изделий; 5) «шашки» из белого мягкого камня (Гарковик, 1967: 17; 1973: 53; Андреева, 1975: 104—109; Андреева, Студзицкая, 1987: 351—363). О.В. Яншина справедливо отмечает, что в комплекс признаков маргаритовской культуры «...вошли не столько черты, объединяющие все названные памятники, сколько черты, свойственные только ольгинским памятникам, и, прежде всего, коллекции поселения Гроты» (Яншина, 2004: 17).

Основным моментом в критике маргаритовской культуры выступает правомерность её выделения с методологической точки зрения: являются ли имеющиеся в распоряжении исследователей памятники достаточными источниками для выделения культуры. По мнению первых оппонентов В.И. Дьякова и Д.Л. Бродянского, ни один из памятников в то время не дал в руки исследователей достаточных аргументов для выделения маргаритовской культуры (Дьяков, 1989: 24—25; Бродянский, 1987: 155). Так, В.И. Дьяков, проведя в своё время источниковедческий анализ памятников маргаритовской культуры, считает, что интересующие нас материалы памятников Синие Скалы и Гроты представлены нестратифицированными находками (Дьяков, 1989: 24—25). Автор данной статьи разделяет справедливость критики с методологической позиции, поэтому в своих исследованиях оперирует понятием «памятники с керамикой пхусунского типа» (Сидоренко, 2003; 2007; 2008; 2015).

Проблематичность выделения маргаритовской культуры осознают и её приверженцы. О.В. Яншина в ранних своих работах отмечает: «...Полноценные стратиграфические исследования удалось провести только на поселении Глазковка-2. На остальных памятниках в силу различных обстоятельств — отсутствие или недоступность полевой документации, сохранность культурного слоя и археологических коллекций, методика ведения раскопок — пришлось ограничиться только типологическими наблюдениями» (Яншина, 1998: 78). Н.А. Ключев, рассматривая многослойное поселение Синие Скалы, коснулся и дискуссии по маргаритовской культуре. Он отметил, что круг относимых к культуре памятников неравнозначен по своей информативности, не во всех случаях присутствовали чёткие стратиграфические условия залегания артефактов, что ситуация усложнялась отсутствием развёрнутой характеристики относимого к культуре комплекса находок (Ключев, 2002: 32—33). В совместной работе О.В. Яншина и Н.А. Ключев делают следующее заключение по поводу выделения маргаритовской культуры: «В то же время многие аспекты её выделения остаются до конца не понятыми. С одной стороны, имеются памятники, содержащие только керамику пхусунского типа (Монастырка-3 и Преображение-1), с другой стороны — памятники, где керамика пхусунского типа сочетается с керамикой зайсановского облика (Моряк-Рыболов, поселение с Гротами, Глазковка-2, Киевка). Не ясно пока, стоит ли объединять и те и другие в рамках одной археологической

культуры — маргаритовской, или же более правомерно соотносить с ней только памятники типа Монастырка-3 и Преображения-1» (Яншина, Ключев, 2005: 181—185). Почему-то без должного внимания осталось высказывание одного из авторов выделения маргаритовской культуры Ж.В. Андреевой, опубликованное в обобщающем труде по эпохе бронзы Дальнего Востока. Предваряя характеристику маргаритовской культуры, первая же фраза звучит следующим образом: «Маргаритовская культура. Представлена, в основном, выделенными **типологически** материалами из **смешанных слоёв** поселений у Синих Скал, Пермское и Моряк-Рыболов» (Андреева, Студзицкая, 1987: 353) (текстовое выделение моё. — Е.В.).

С характеристикой источников напрямую связана и культурная принадлежность памятников. Ж.В. Андреева и А.В. Гарковик остались на позиции существования маргаритовской культуры. В.И. Дьяков считает Моряк-Рыболов-1 (Пхусун) памятником лидовской культуры (Дьяков, 1983: 35—37; 1989: 24). О.В. Яншина, исследуя керамику этой группы памятников, вводит понятие «пхусунской керамической традиции», выделяет пхусунский и приханкайский (зайсановский) компоненты и делает попытку проследить происхождение этой группы памятников (Яншина, 1994: 16—17; 1998: 77—84; 2001: 12—13, 16). Вопрос о культурной принадлежности памятников рассматривается ею осторожно, в рамках постановки проблемы: «...мы не склонны рассматривать пхусунскую керамическую традицию как доказательство существования МАК (маргаритовская археологическая культура. — Е.В.), ибо, проливая свет на одни проблемы, она оставляет без ответа другие — например, почему при значительных различиях маргаритовской и лидовской археологических культур, последние имеют так много схожего» (Яншина, 1998: 84). Занимаясь генезисом лидовской культуры эпохи палеометалла Сихотэ-Алинского региона, автор данной работы развил гипотезу В.И. Дьякова и пришёл к заключению: пхусунская группа вполне может стать той самой переходной культурой от неолита к палеометаллу, и вполне логично допустить, что часть пхусунского населения контактировала с лидовцами и подверглась ассимиляции (Сидоренко, 2008: 170—171; 2015: 193—200).

Подводя итог истории исследования маргаритовской культуры и её историографической проблематике, можно констатировать, что первоначально культура была обозначена, но недостаточно документирована надёжными источниками, за что и была подвергнута справедливой критике. Выделение культуры не было завершено, несмотря на появление инситуальных комплексов. Из достоверных комплексов наиболее полно опубликованы Глазковка-2, Монастырка-3, Ольга-10; памятник Заря только упоминается, с поселения Преображение-1 опубликована планиграфия двух жилищ без характеристики и иллюстраций материала. Коллекции остальных памятников, содержащих керамику пхусунского типа, могут привлекаться только в типологическом аспекте. Автор согласен с исследователями памятника Ольга-10, что незавершённость в своё время процедуры определения системы культурнозначимых признаков привела к ситуации,

в которой «специалисты, занимающиеся маргаритовской культурой, продолжают оперировать ею интуитивным образом, а не формализованной типологической структурой» (Батаршев и др., 2011: 230). Вновь становится актуальной ревизия источников и поднимается вопрос о корректности включения маргаритовской культуры в существующую систематику первобытных культур Приморья (Батаршев и др., 2011: 230).

РЕВИЗИЯ ИСТОЧНИКОВ

Для того чтобы окончательно определиться по поводу маргаритовской культуры и ответить на извечный вопрос «Что делать?», необходимо беспристрастно разобраться с памятниками, содержащими характерную керамику пхусунского типа, так как они представляют собой различные по степени информативности источники. Их можно разделить на три группы по степени сохранности слоя и наличию инситуальных комплексов. Опорными являются памятники, содержащие замкнутые комплексы в виде жилищ и хозяйственно-бытовых сооружений: Глазковка-2, Монастырка-3, Преображение-1, Ольга-10 (рис. 1).

Глазковка-2 (рис. 2). На поселении Глазковка-2 раскопано первое жилище с керамикой пхусунского типа. Оно подпрямоугольной формы с округлыми углами, ориентировано длинными сторонами в направлении север — юг, площадью около 43 кв. м. В центре располагался прямоугольный очаг, вдоль длинных стен тремя рядами проходили столбовые ямы. Рядом с жилищем раскопана хозяйственная яма с обмазанными глиной стенками. Стратиграфия памятника свидетельствует, что выше заполнения жилища располагался слой янковской культуры раннего железного века. Кроме того, в дёрне встречались артефакты, «имеющие аналогии в памятниках южноприморского неолита» (Клюев, Яншина, 1997: 18). Однако каких-либо следов неолитического культурного слоя не зафиксировано, поэтому соотношение пхусунского жилища и неолитических материалов достоверно не устанавливается, хотя наличие неолитических артефактов в перетолженном виде косвенно свидетельствует о возможности уничтожения слоя при строительстве жилища. Материал проанализирован и опубликован (Клюев, Яншина, 1994; 1997)².

Монастырка-3 (рис. 3). Ещё один замкнутый комплекс с керамикой пхусунского типа раскопан на раннесредневековом некрополе Монастырка-3. Это сгоревшее жилище имеет очень хорошую степень сохранности. Оно расположено на периферии мохэского некрополя; окружающая территория свободна от могильных комплексов (Дьякова, 1998: 313, рис. 118). Под пахотным слоем располагалась жёлто-коричневая мешаная супесь, перекрывающая собой нетронутое заполнение жилища со сгоревшими остатками рухнувшей кровли. Каких-либо впущенных в жилище более поздних

² Представленный на рисунке сосуд под номером 3 к данному комплексу не относится, связан с вышележащим горизонтом янковской культуры.

Рис. 1. Территория распространения памятников пхусунской культуры и памятников с керамикой пхусунского типа (1 — Монастырка-3; 2 — Ольга-10; 3 — Морьяк-Рыболов (Пхусун); 4 — Глазковка-2; 5 — Преображение-1; 6 — Киевка; 7 — Заря-3; 8 — Водораздельная; 9 — Синие Скалы; 10 — Гроты; 11 — Пермское (?); 12 — Сопка Булочка)

по времени ям или иных нарушений слоя не выявлено. Заполнение котлована постройки представлено тёмно-серой и коричневой углистой супесями, в верхней части которых отмечены жердевидные обугленные конструкции крыши, ориентированные к центру. Такое расположение сгоревших деревянных конструкций позволило исследователям реконструировать крышу как конусовидную или четырёхскатную (Дьякова, 1998: 89). Котлован жилища ориентирован углами по сторонам света, имеет квадратную форму с длиной сторон 3—3,3 м, высота уступа 0,15—0,25 м. Пол ровный со слабым наклоном к центру. В центре жилища и возле его юго-западной стены располагались два очажных углубления линзовидного сечения. В восточном углу зафиксировано скопление крупных угловатых глыб горных пород, среди которых встречены валуны со следами сколов. Возле северного

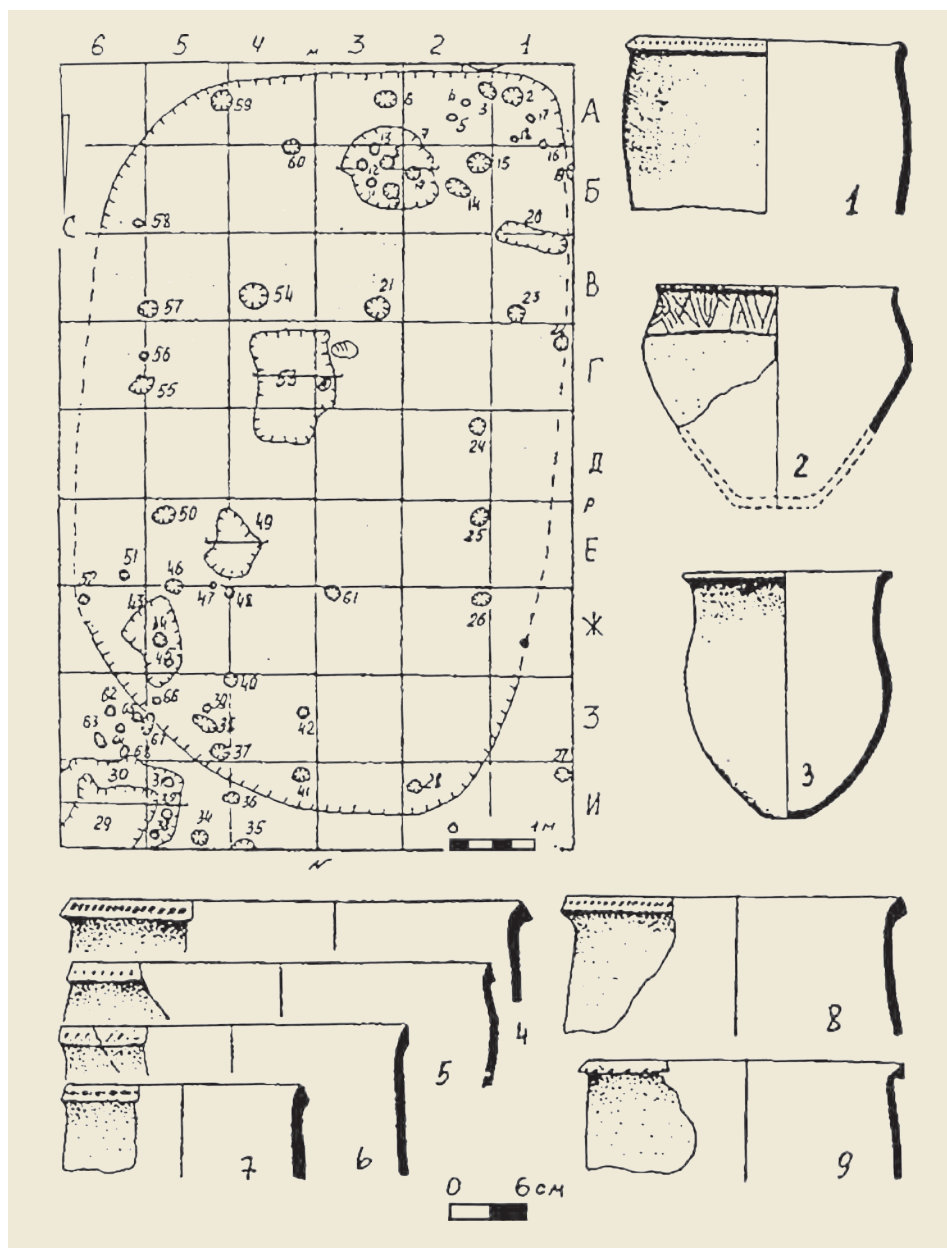

Рис. 2. План жилища и материал поселения Глазковка-2
(по: Ключев, Яншина, 1997: 21)

борта располагалась глубокая хозяйственная яма. Площадь жилища около 12 кв. м. Материал проанализирован и опубликован (Дьякова, 1998: 88—90; Дьяков, 1999: 39—43; Дьяков и др., 2003; Сидоренко, 2007).

Преображение-1 (рис. 4, 5). Раскопано два жилища каркасно-столбовой конструкции со столбовыми ямами, забутованными камнями, и с наружными хозяйственными ямами возле борта. Постройка № 8 имела подквадратную в плане форму площадью около 15 кв. м, в центре

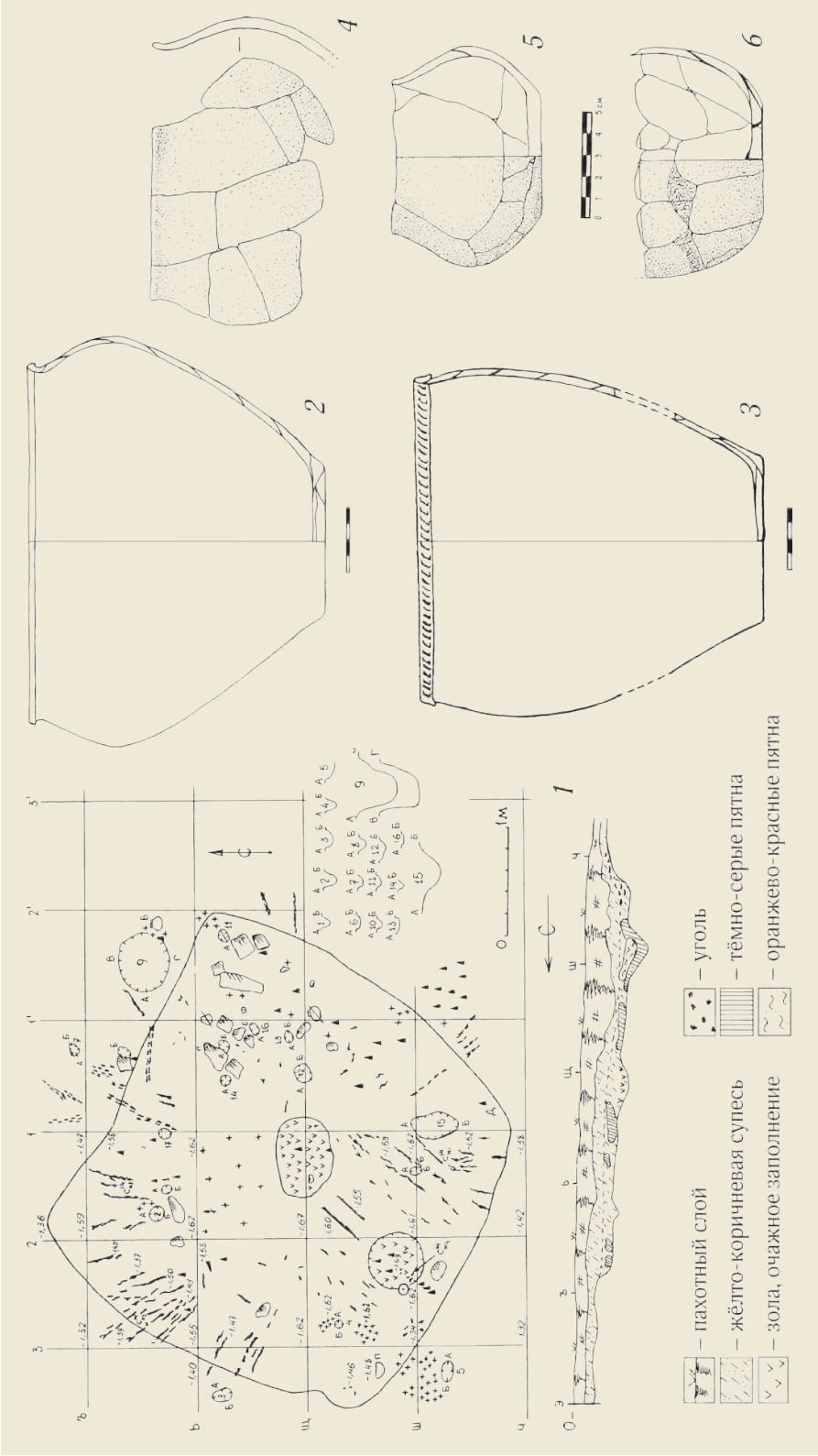

Рис. 3. План жилища и артефакты памятника Монастырка-3 (по: Дьяков, Дьякова, Сидоренко: 141—147)

располагался слабо углублённый в материк очаг квадратной формы размером 80×80 см. Три выхода располагались на север, восток и юг и выделялись на общем фоне жилищного заполнения сероватым цветом, утоптанностью грунта и незначительной углублённостью относительно остальной поверхности пола (Слепцов, 2005: 156). Сооружение реконструируется как навес на нескольких вертикально стоящих столбах (Слепцов, 2005: 157). Типовой набор артефактов — наковальня, отбойники, готовые орудия (ножи, скребки, наконечники стрел и дротиков), дебитаж — позволили автору раскопок И.Ю. Слепцову предположить, что сооружение № 8 использовалось как специализированное место для изготовления каменных орудий (Слепцов, 2005: 157). Постройка № 11 представляла собой наземное округлое сооружение площадью 12—14 кв. м без очага. В северной его части зафиксированы остатки нар в виде угольных скоплений и перекрещивающихся угольных плах. В заполнении обнаружены развалы нескольких типично пхусунских сосудов и небольшое количество каменных орудий. По округлой форме пола, конфигурации и наклону столбовых ям реконструируется конусовидная форма сооружения № 11 (Слепцов, 2005: 157). Пока опубликованы только планы построек № 8 и № 11 без иллюстрации материала (Слепцов, 2005). Пхусунская принадлежность артефактов определяется по подробному, хорошо проиллюстрированному полевому отчёту³.

Ольга-10 (рис. 6). Памятник представляет собой небольшой посёлок из 5 жилищ, два из которых раскопаны, а два частично уничтожены военным блиндажом и грабительскими шурфами. Исследованные постройки имеют углублённые в грунт котлованы, очаги и интерпретируются авторами раскопок как долговременные жилища (Батаршев и др., 2011: 231). Оба жилища прямоугольной формы с центральным прямоугольным очагом и наружной хозяйственной ямой в одном из углов (Батаршев и др. 2011; 2015). Сформирована многочисленная коллекция керамических и каменных изделий, проведена флотация культурных отложений и получены ботанические остатки. Материал тщательно проанализирован и качественно опубликован (Батаршев и др. 2011; 2015).

Вторую группу составляют памятники без явных комплексов и с частично сохранившимся культурным слоем: Моряк-Рыболов-1 (Пхусун), Заря-3, Киевка.

Моряк-Рыболов-1 (Пхусун) (рис. 7). А.П. Окладниковым вскрыт край речной террасы площадью 115 кв. м. Памятник двухслойный: нижний слой — серый суглинок, связан с руднинской неолитической культурой; верхний — жёлтый суглинок содержит пхусунский комплекс и переотложенные раннеолитические материалы. Конструкций в виде жилищ не выявлено. Результаты работ подробно опубликованы (Окладников, 1964). Судя по публикации, керамика представлена исключительно фрагментами сосудов пхусунского типа, зайсановский компонент отсутствует.

³ Автор благодарит И.Ю. Слепцова за возможность работы с неопубликованными отчётными материалами.

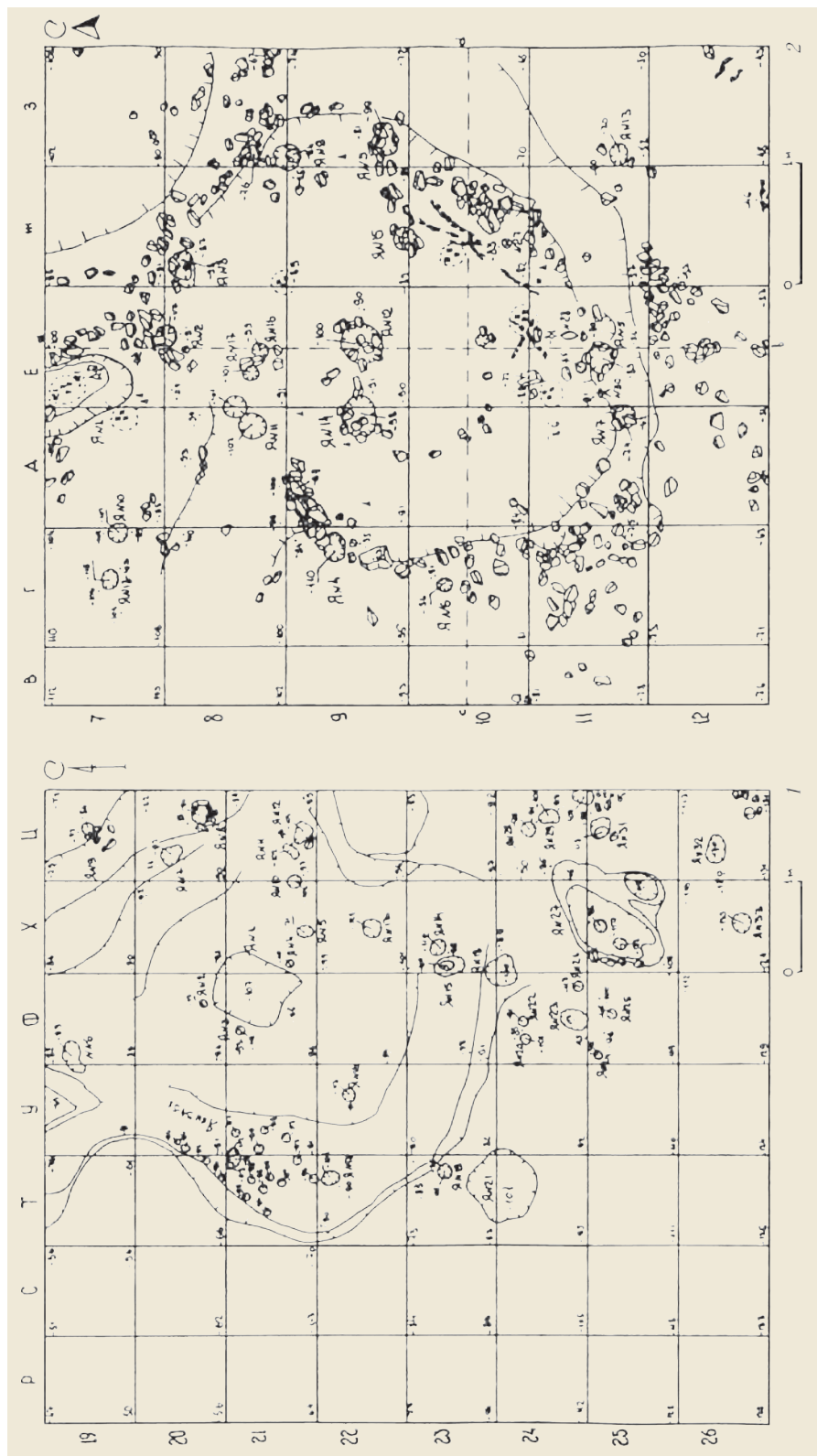

Рис. 4. Планы построек № 8 (1) и № 11 (2) памятника Преображение-1 (по: Слепцов, 2005: 155)

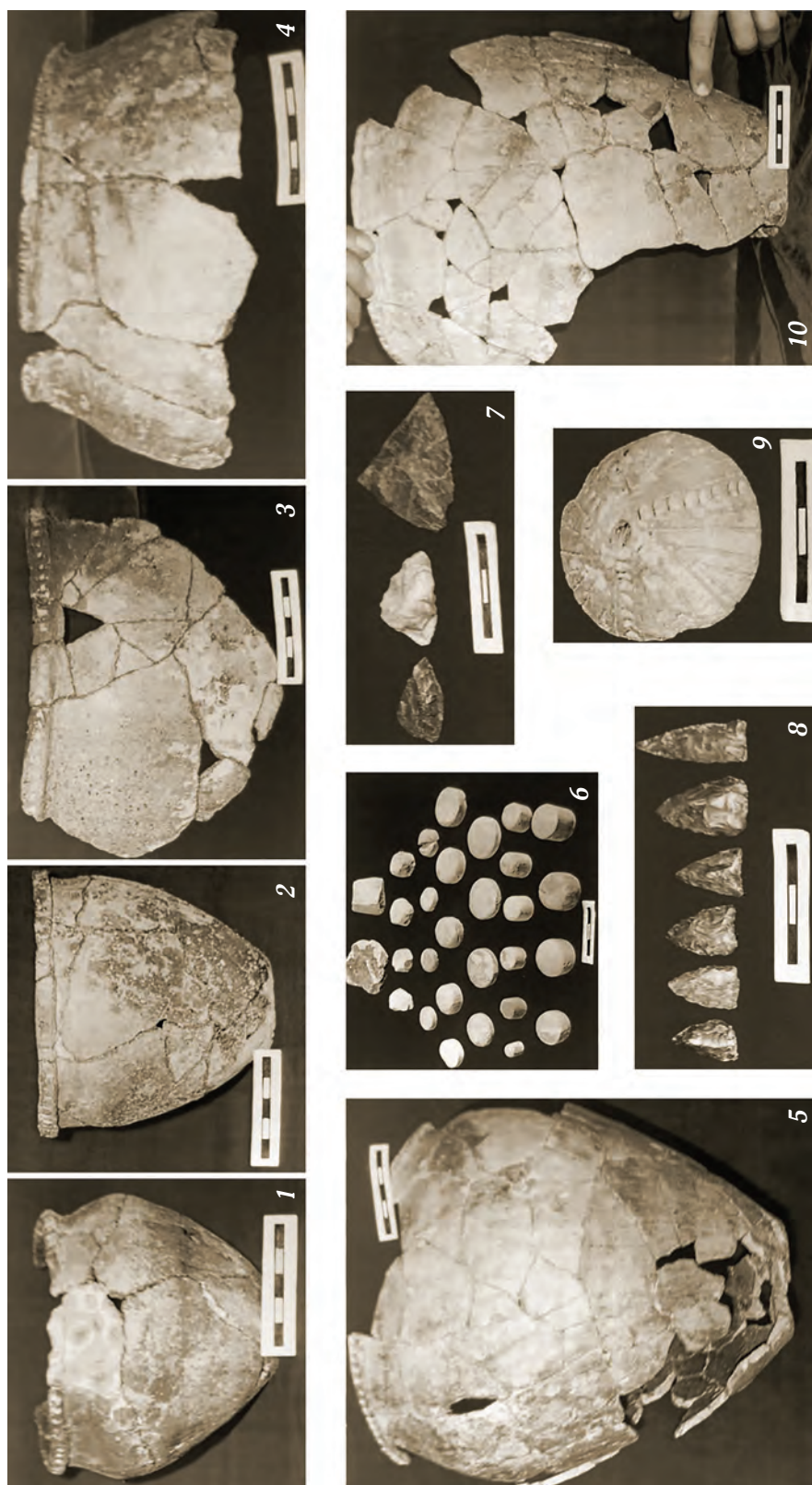

Рис. 5. Артефакты памятника Преображение-1 (по: Слепцов, 2003: табл. 43—46, 73—77)

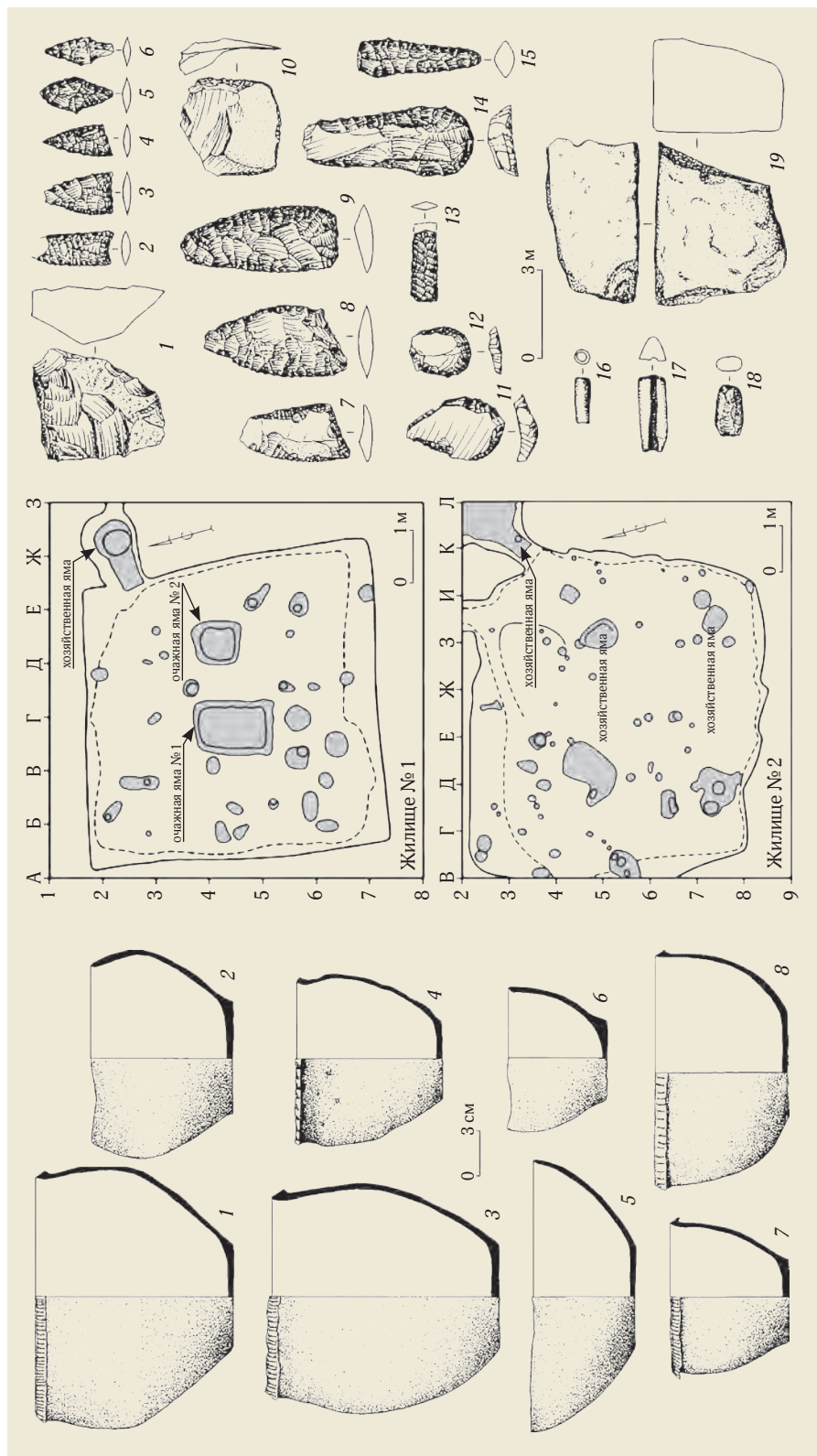

Рис. 6. Планы жилищ и артефакты поселения Ольга-10 (по: Багатуров и др, 2011: 239–241)

Заря-3 (рис. 8). В литературе этот памятник только упоминается⁴. По мнению автора раскопок Н.А. Кононенко, памятник Заря-3 является однослойным объектом. «Выделяются два типа жилых конструкций: овально-подчетырёхугольные жилища с тамбурообразным входом (раскоп Заря 3Б) и без него (раскоп Заря 3А). Более того, зафиксирована перестройка жилищ, когда на месте небольшого жилища впоследствии было сооружено более крупное» (Кононенко, 2001: 38). Всего зафиксировано 8 построек, раскопано 3 как минимум. Итоговый вывод: «Типологические особенности каменного инвентаря и керамики дают основание полагать, что памятник представляет собой комплекс переходного от неолита к эпохе бронзы периода, когда явственные элементы сходства неолитических традиций сочетаются с инновациями, более характерными для эпохи палеометалла» (Кононенко, 2001: 38). Вывод интересен, но требует тщательных доказательств. Памятник поликомпонентный: имеется этнографическая могила, частично нарушившая заполнение комплексов, а также следы перестроек. Так как памятник раскапывался сплошными срезами (пластами) по всей площади раскопов, необходима стратиграфическая и планиграфическая реконструкция комплексов. Судя по приведённым иллюстрациям, в коллекции преобладает пхусунский компонент, но имеются несколько фрагментов венчиков, выбивающихся из этой традиции, чья культурная принадлежность нуждается в обосновании. Памятник бесспорно интересен, но надёжным источником станет только после источниковедческого анализа, реконструкции и публикации комплексов. А пока его информативность значительно снижена.

Киевка (рис. 9). На многослойном поселении Киевка ранние слои уничтожены при строительстве янковских и кроуновских жилищ. Поэтому практически вся интересующая нас керамика находится в переотложенном виде. «Исключение составляет небольшой участок коричнево-чёрного слоя, где сохранилась в неповрежденном виде хозяйственная яма, на дне которой было найдено скопление сосудов с гладкими стенками» (Яншина, 1996: 25, 31, рис. 3). Исходя из вышесказанного, объединение зайсановского и пхусунского компонентов в единый комплекс на этом памятнике, как сделала в поздних работах О.В. Яншина (Яншина, 1998: 83, рис. 3), представляется не совсем корректным, так как в единственном сохранившемся инситу комплексе (хозяйственная яма) зайсановские фрагменты с пхусунскими не залегают, а на остальной территории они переотложены наряду с более ранними неолитическими.

Третью группу составляют памятники, в материалах которых типологически выделяются фрагменты сосудов пхусунского типа, но не выявлены инситу комплексы и участки слоя (разрушены следами жизнедеятельности представителей более поздних археологических культур либо в силу объективных или субъективных причин отсутствует информация для верификации): Водораздельная, Булочка, Синие Скалы, Гроты, Пермское.

⁴ Автор благодарит Н.А. Ключева за предоставленную возможность ознакомиться с полевым отчётом Н.А. Кононенко.

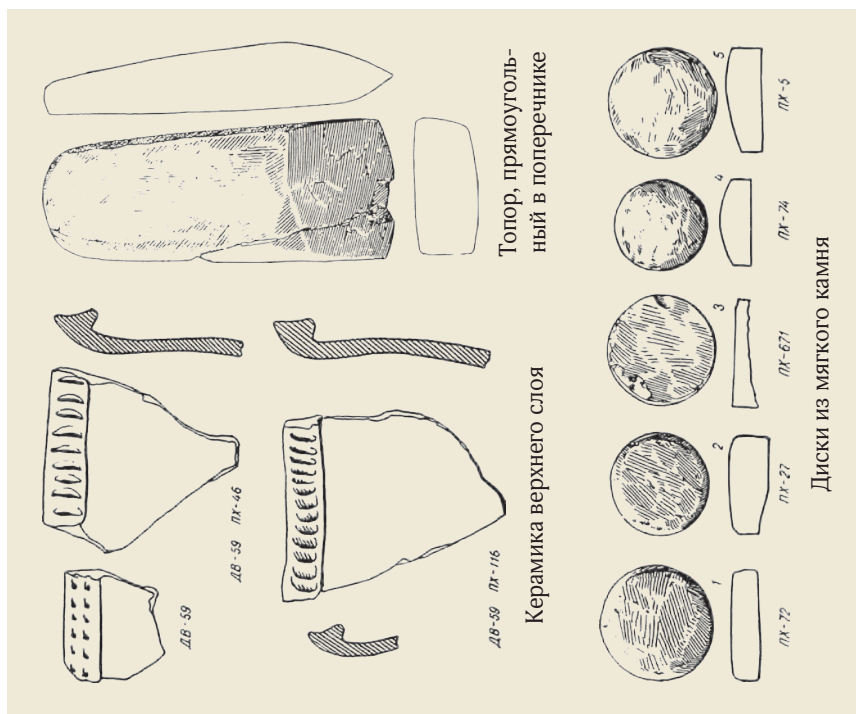

Рис. 7. План раскопа и артефакты памятника Моряк-Рыболов (Пхусун) (по: Окладников, 1964: 76, 80, 81, 83)

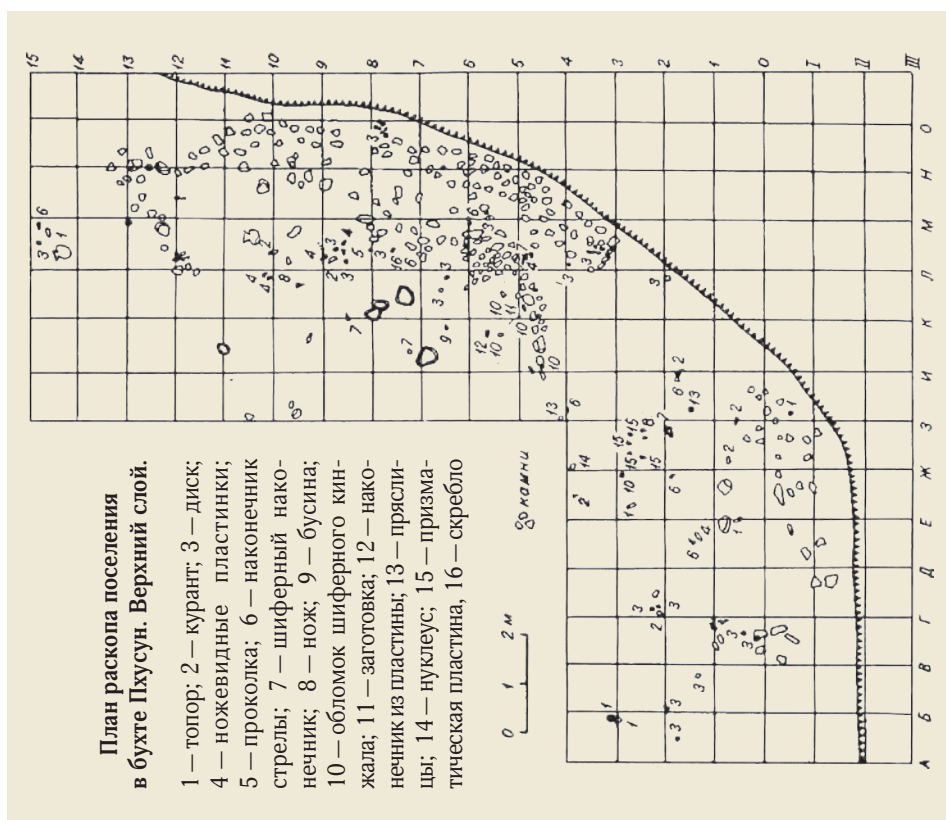

Рис. 8. Артефакты памятника Заря-3 (по: Кононенко, 2001)

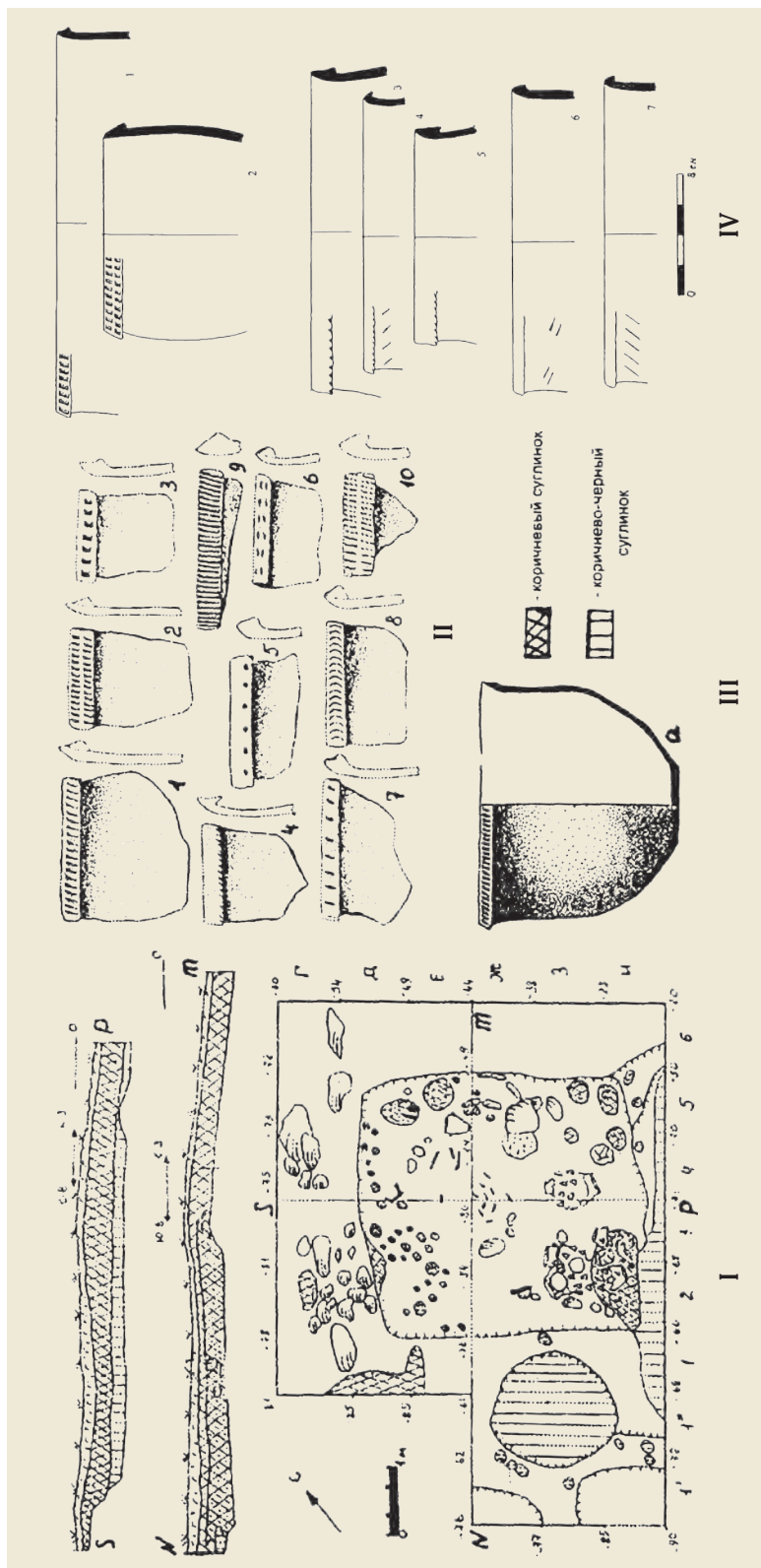

Рис. 9. План инситной хозяйственной ямы с сосудами пхусунского типа и артефакты памятника Киевка
(по: Яншина, 1996: 30—31 (I—III); Яншина, 1998: 83 (IV))

Водораздельная (рис. 10). На памятнике Водораздельная, согласно отчетной документации, присутствует небольшое количество фрагментов сосудов пхусунского типа, однако замкнутых комплексов не выявлено (Татарников, 1979; 1980). Помимо средневековых артефактов в переотложенном виде встречены: а) керамика пхусунского типа; б) фрагменты сосудов зайсановского облика, аналогичные найденным в поздненеолитических комплексах памятника Рудная Пристань; в) сосуды и фрагменты, характерные для тетюхинской группы лидовской культуры эпохи палеометалла.

Сопка Булочка (рис. 11). На этом многослойном памятнике представители кроуновской и польцевской культур практически уничтожили культурные горизонты предшествующих эпох: весь ранний материал находится в переотложенном состоянии. Исследователи отнесли все фрагменты с орнаментированными венчиками и гладкими стенками к лидовской культуре (Деревянко и др., 2005). По мнению автора данной статьи, в материалах этого памятника типологически вычлениаются: а) керамика пхусунского типа; б) фрагменты сосудов зайсановского облика, аналогичные найденным в поздненеолитических комплексах памятника Рудная Пристань; в) собственно лидовские фрагменты.

Синие Скалы. Многослойный и поликомпонентный памятник с многочисленными следами перестроек. Инситуемых комплексов или участков слоя с керамикой пхусунского типа не зафиксировано, тем более сочетающих зайсановский и пхусунский компоненты в одном комплексе.

Гроты (поселение с гротами у подножия Синих Скал) (рис. 12). Памятник открыт Ж.В. Андреевой в 1963 г. В этом же году ею исследовался грот № 1. В 1967 г. А.В. Гарковик раскапывала гроты № 2 и № 3. Этими исследователями памятник определялся как двухслойный: ранний комплекс отнесён к маргаритовской культуре, поздний — к ольгинской (Гарковик, 1973). По мнению О.В. Яншиной, наиболее насыщенным и наименее потревоженным оказался культурный слой в гроте № 1, материалами из которого она оперирует при доказательстве существования маргаритовской культуры по рисункам из личного архива Ж.В. Андреевой (Яншина, 2004: 136). В.И. Дьяков относит материалы Гротов к смешанным, случайным и нестратифицированным находкам, выделяет в раннем комплексе зайсановские и лидовские артефакты и не считает памятник полноценным источником (Дьяков, 1989: 24—25). О.В. Яншина считает позицию В.И. Дьякова ничем не аргументированной (Яншина, 2004: 136). Поставить точку в споре могла бы качественная публикация источника, чтобы верифицировать доказательства оппонентов, но по различным причинам этого не произошло. Поэтому данный интересный памятник имеет низкий уровень источниковедческого доверия, а его материалы могут использоваться только в типологическом аспекте.

Пермское. В литературе упоминается ещё поселение Пермское-2 (Андреева, 1970: 126—127; Яншина, 1998: 77). Однако, включая Пермское-2 в круг памятников маргаритовской культуры, О.В. Яншина в своих работах материалами этого памятника не оперирует и каких-либо рисунков не приводит. Более того, в дальнейшем это поселение ею из

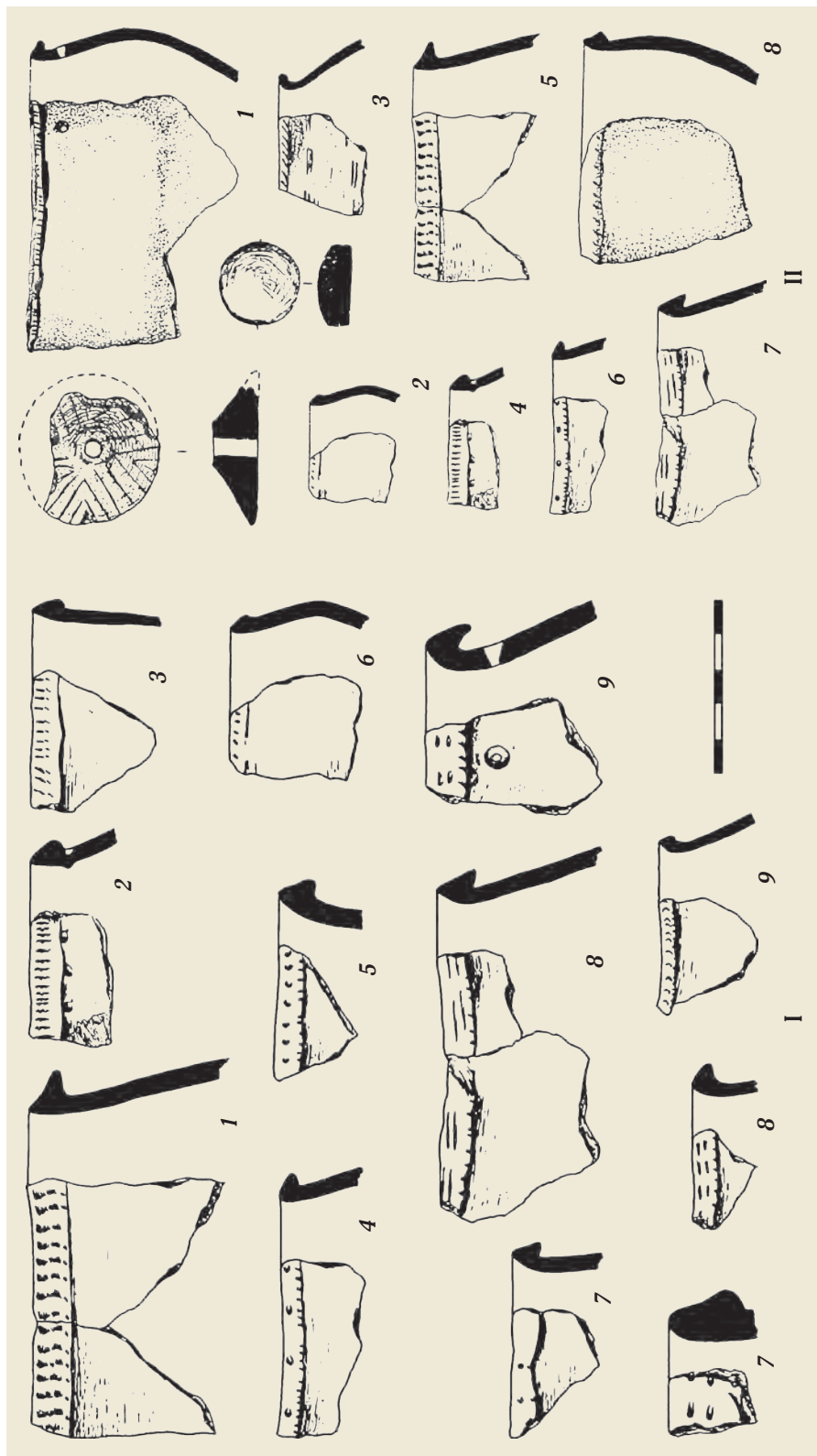

Рис. 10. Артефакты памятника Водораздельная (по: Татарников, 1979, 1980)

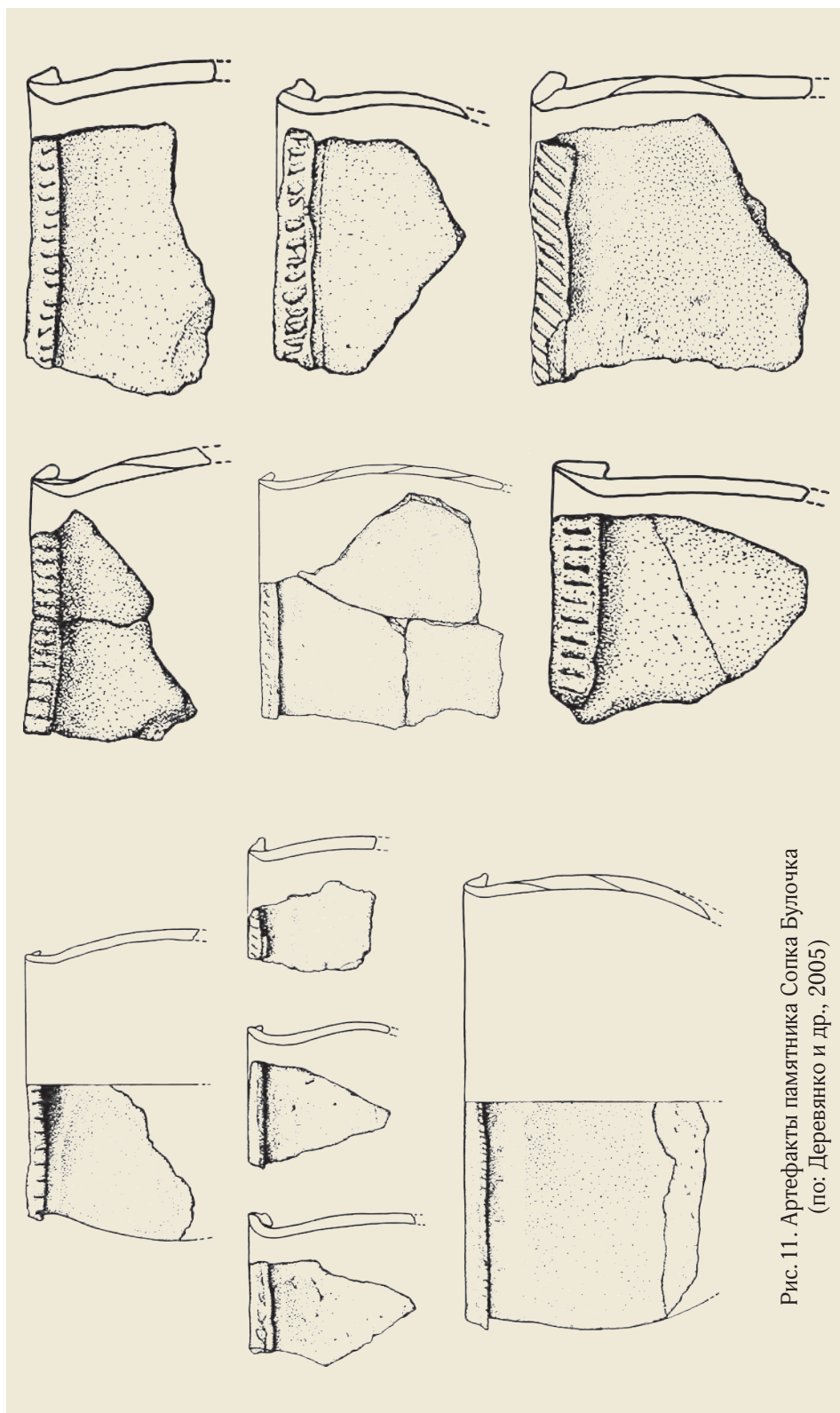

Рис. 11. Артефакты памятника Сопка Булочка
(по: Деревянко и др., 2005)

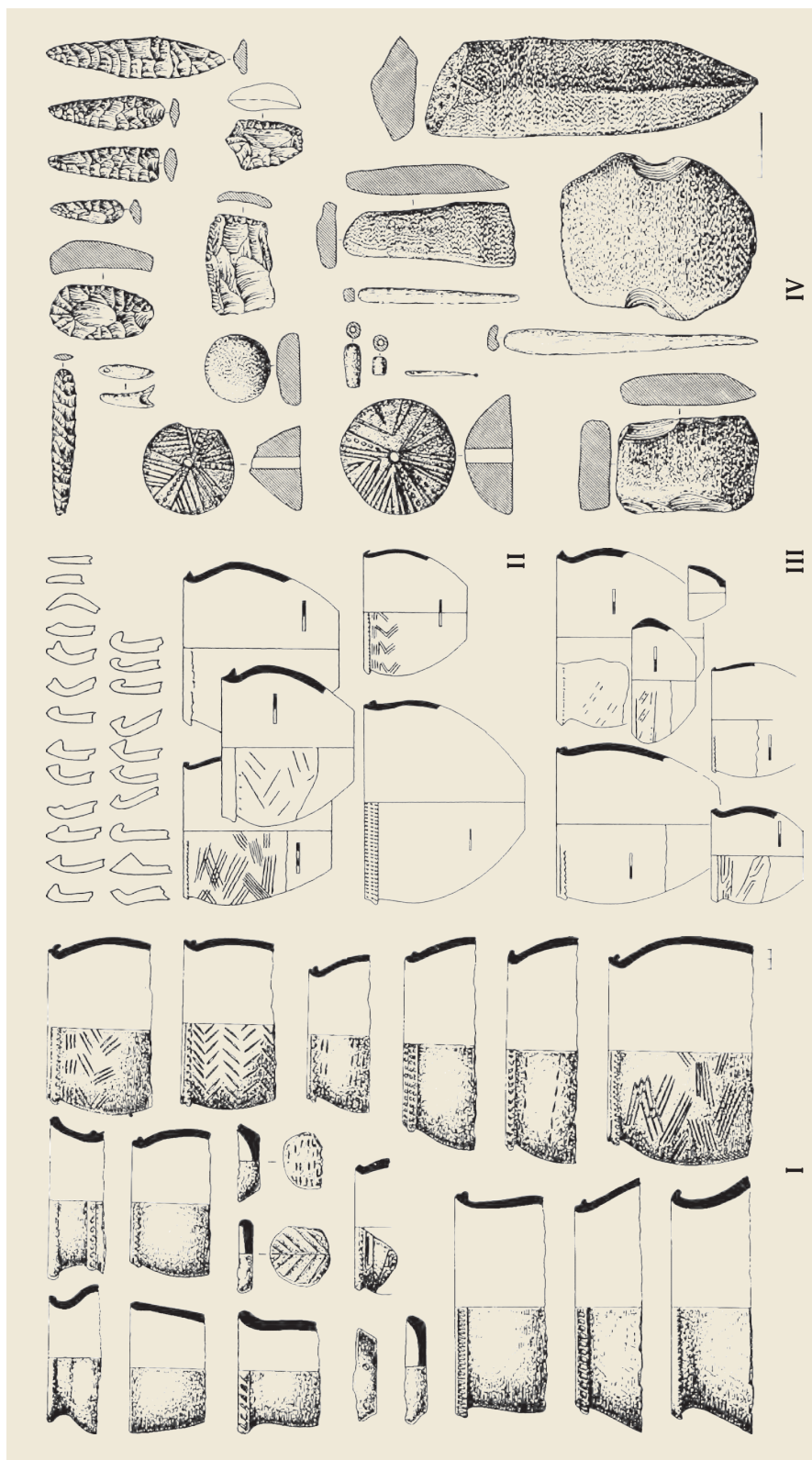

Рис. 12. Артефакты памятника Гроты (по: Андреева, Студзицкая, 1987: 422—423 (I, IV); Яншина, 2004: 179—180 (II—III))

круга памятников маргаритовского типа исключено (Яншина, 2001: 12). В.И. Дьяков, анализируя памятники этой культуры, считает Пермское-2 памятником зайсановской культуры, «как он и был в своё время определён Г.И. Андреевым» (Дьяков, 1989: 24).

ВЫВОДЫ

Проведённый источниковедческий анализ памятников с керамикой пхусунского типа выявил отсутствие оснований для объединения пхусунского и приханкайского (зайсановского) компонентов в одном комплексе. Археологические источники на данный момент исследования таковы, что маргаритовская культура на их базе не может быть выделена. По материалам инситуальных комплексов чётко выделяется группа памятников с пхусунским компонентом. Количество и разнообразие раскопанных комплексов позволяют выделить новую археологическую культуру на территории Юго-Восточного и Восточного Приморья (табл. 1; рис. 1). Предлагается назвать её пхусунской культурой, маргаритовскую же культуру отправить в историографический резерв до того момента, когда появятся надёжные источники, демонстрирующие устойчивое сочетание пхусунского и приханкайского (зайсановского) компонентов. Теоретически такое вполне возможно, синкретизм хронологически и территориально близких культур — явление широко распространённое в археологии Приморья, а в Сихотэ-Алинском регионе, в особенности. К идее маргаритовской культуры можно будет вернуться после появления инситуальных комплексов.

Представляется, что так возможно разрешить многолетнюю историографическую путаницу по поводу маргаритовской культуры. Пхусунская культура занимает реальное место в систематике первобытных культур Приморья. Теперь с ней можно работать как с археологическим объектом исследования (территория, типологию, контакты, хронология, генезис, эволюция и т.д.), тем более что часть работы приморскими археологами уже проделана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев Г.И. 1963. Археологические исследования на южном и восточном побережье Приморья в 1960 г. *КСИА*. Вып. 93: 106—113.
- Андреева Ж.В. 1970. *Древнее Приморье (железный век)*. М.: Наука.
- Андреева Ж.В. 1975. Следы местного металлургического производства в Приморье в памятниках II тыс. до н.э. *Археология Северной и Центральной Азии*. Новосибирск: Наука: 104—109.
- Андреева Ж.В., Студзицкая С.В. 1987. Бронзовый век Дальнего Востока. *Эпоха бронзы лесной полосы СССР*. М.: Наука: 351—363.
- Батаршев С.В., Дорофеева Н.А., Крутых Е.Б., Морев О.Л., Шаповалов Е.Ю. 2011. Пхусунский комплекс памятника Ольга-10 в Восточном Приморье: проблемы выделения и культурно-хронологической интерпретации. *Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока*. Уссурийск: Изд-во УГПИ: 230—243.

- Батаршев С.В., Дорофеева Н.А., Крутых Е.Б., Морева О.Л., Сергушева Е.А. 2014. Маргаритовская археологическая культура в Приморье: итоги и перспективы изучения. *Традиционная культура востока Азии: К 10-летию Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области*. Благовещенск: АмГУ. Вып. 7: 138—163.
- Батаршев С.В., Сергушева Е.А., Морева О.Л., Дорофеева Н.А., Крутых Е.Б. 2015. Маргаритовская археологическая культура в Приморье: продолжение дискуссии. *Первобытная археология Дальнего Востока России и смежных территорий Восточной Азии: современное состояние и перспективы развития: Материалы региональной научной конференции (Владивосток, 18—20 ноября 2013 г.)*. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН: 225—255.
- Бродянский Д.Л. 1987. *Введение в дальневосточную археологию*. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та.
- Гарковик А.В. 1967. Новая группа памятников Восточного Приморья (III—II тыс. до н.э.). *Тр. ДВФ СО АН СССР. Сер. ист.* Т. 7: 15—17.
- Гарковик А.В. 1973. Поселение с гротами у подножья Синих Скал. *Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока*. Т. 9: 43—54.
- Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Медведев В.Е., Шин Чан Су, Хон Хён У, Ю Ын Сик, Краминцев В.А., Медведев О.С., Филатова И.В. 2005. *Древние памятники Южного Приморья. Отчёт об исследовании поселения Булочка в Партизанском районе Приморского края в 2004 году*: В 3 т. Сеул: Ин-т археологии и этнографии СО РАН; Гос. исслед. ин-т культ. наследия Республики Корея. Кор. яз., рус. яз.
- Дьяков В.И. 1983. Лидовская культура. *Диков Н.Н., Бродянский Д.Л., Дьяков В.И. Древние культуры тихоокеанского побережья СССР: Учеб. пособие*. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та: 26—64.
- Дьяков В.И. 1989. *Приморье в эпоху бронзы*. Владивосток. Изд-во Дальневост. ун-та.
- Дьяков В.И. 1999. *Периодизация древних культур Приморья (палеолит — эпоха бронзы): Дис. в виде науч. докл. ... д-ра ист. наук*. М.
- Дьяков В.И., Дьякова О.В., Сидоренко Е.В. 2003. Комплекс эпохи палеометалла памятника Монастырка-3. *Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий (материалы XI сессии археологов и антропологов Дальнего Востока). Третья международная научная конференция «Россия и Китай на дальневосточных рубежах»*. Благовещенск: Изд-во БГПУ: 141—147.
- Дьякова О.В. 1998. *Мохэские памятники Приморья*. Владивосток: Дальнаука.
- Жушиховская И.С. 1976. Отчёт об археологических работах в Приморском крае в Лазовском районе на поселении Киевка в 1976 г. *Архив ИА РАН*. Р-1, № 6318.
- Жушиховская И.С. 1979. Отчёт об археологических работах в Приморском крае в Лазовском районе на поселении Киевка в 1979 г. *Архив ИА РАН*. Р-1, № 7674.
- Жушиховская И.С. 1980. Отчёт об археологических работах в Приморском крае в Лазовском районе на поселении Киевка в 1980 г. *Архив ИА РАН*. Р-1, № 7675.
- Жушиховская И.С. 1981. Отчёт об археологических работах в Приморском крае в Лазовском районе на поселении Киевка в 1981 г. *Архив ИА РАН*. Р-1, № 8406.
- Клюев Н.А. 1991. Отчёт об археологических работах в Приморье в 1991 г. *Архив ИА РАН*. Р-1, № 21589.
- Клюев Н.А., Яншина О.В. 1994. Новые данные по эпохе палеометалла Приморья (поселение Глазковка-2). *Третья Дальневосточная конференция молодых историков: Тез. докл.* Владивосток: Дальнаука: 14—15.
- Клюев Н.А., Яншина О.В. 1997. Новые данные по эпохе палеометалла в Приморье. Поселение Глазковка-2. *Вопросы археологии, истории и этнологии Дальнего Востока*. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН: 18—30.
- Клюев Н.А. 2002. Многослойное поселение Синие Скалы и некоторые проблемы археологии Приморья. *Синие Скалы — археологический комплекс: опыт описания многослойного памятника*. Владивосток: Дальнаука: 28—44.

- Клюев Н.А., Яншина О.В. 2003. Новые памятники эпохи палеометалла в континентальном Приморье: сравнительный анализ керамических комплексов. *Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий (материалы XI сессии археологов и антропологов Дальнего Востока). Третья международная научная конференция «Россия и Китай на дальневосточных рубежах»*. Благовещенск: Изд-во БГПУ: 121—128.
- Клюев Н.А., Гарковик А.В., Яншина О.В., Слепцов И.Ю. 2010. Финальный неолит Приморья: к итогам разработок некоторых проблем. *Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям*. М.: РОССПЭН: 88—97.
- Конonenko Н.А. 2001. Отчёт об археологических исследованиях в Лазовском районе Приморского края в 2001 г. *Архив ИИАЭ ДВО РАН*. Ф. 1, оп. 2, д. 495.
- Татарников В.А. 1979. Отчёт об археологических исследованиях в Северо-Восточном Приморье в 1979 г. *Архив ИА РАН*. Р-1, № 7472.
- Татарников В.А. 1980. Отчёт об археологических исследованиях в Северо-Восточном Приморье в 1980 г. *Архив ИА РАН*. Р-1, № 9315.
- Окладников А.П. 1964. Древнее поселение в бухте Пхусун. *Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь*. Новосибирск: Наука. Вып. 1: 73—83.
- Сидоренко Е.В. 2003. Периодизация памятников с керамикой пхусунского типа. *Древности Приморья и Приамурья в контексте тихоокеанской археологии*. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та: 117—125.
- Сидоренко Е.В. 2005. *Эпоха палеометалла в Северо-Восточном Приморье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук*. Владивосток.
- Сидоренко Е.В. 2007. *Северо-Восточное Приморье в эпоху палеометалла*. Владивосток: Дальнаука.
- Сидоренко Е.В. 2008. К вопросу о культурогенезе палеоазиатов (по материалам лидовской культуры). *Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня (Первые Шавкуновские чтения)*. Владивосток: Дальнаука: 165—174.
- Сидоренко Е.В. 2015. К проблеме генезиса лидовской культуры эпохи палеометалла Приморья. *Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры*. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та. Вып. 4: 193—200.
- Слепцов И.Ю. 2003. Отчёт об археологических раскопках пос. Преображение-1 и археологической разведке в Лазовском и Михайловском районах Приморского края в 2003 году. *Архив ИИАЭ ДВО РАН*. Ф. 1, оп. 2, д. 542.
- Слепцов И.Ю. 2005. Жилища маргаритовской культуры (по материалам полевых исследований поселения Преображение-1). *Социогенез в Северной Азии*. Иркутск: Изд-во ИргТУ. Ч. 1: 154—158.
- Яншина О.В. 1994. К вопросу о культурной интерпретации позднего комплекса поселения Моряк-Рыболов-1 (Пхусун). *Третья Дальневосточная конференция молодых историков: Тез. докл.* Владивосток: Дальнаука: 16—17.
- Яншина О.В. 1996. Керамика раннего слоя поселения Киевка в Приморье. *Четвёртая Дальневосточная конференция молодых историков*. Владивосток: Дальнаука: 23—31.
- Яншина О.В. 1998. К проблеме выделения маргаритовской археологической культуры. *Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии*. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН: 77—84.
- Яншина О.В. 2001. *Финальный неолит — бронзовый век Приморья. Систематизация археологических памятников: Автореф. дис. ... канд. ист. наук*. Владивосток.
- Яншина О.В. 2004. *Проблема выделения бронзового века в Приморье*. СПб.: МАЭ РАН.
- Яншина О.В., Клюев Н.А. 2005. Маргаритовская археологическая культура Приморья и её место в археологической периодизации. *Социогенез в Северной Азии*. Иркутск: Изд-во ИргТУ. Ч. 1: 181—185.